

4. Технологии управления социальной сферой региона монография / М. П. Куркина, В. П. Бабинцев, В. В. Зотов, Н. В. Забелина. Курск, Курский гос. мед. ун-т, 2011. 160с.

5. Преликова, Е.А. Управление формированием социального здоровья населения города на основе технологии социально-экологического краудсорсинга [Текст] / Е.А. Преликова // Управление в XXI веке: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Белгород. 2016. – С. 246-249.

6. Преликова Е.А. Обеспечение устойчивого развития городской среды в целях сохранения здоровья населения посредством технологий краудсорсинга [Текст] / Е.А. Преликова, В.В. Зотов, Д.С. Емельянов // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 2-2. С. 193.

УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИМ УЧАСТИЕМ

Е.В. Реутов,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, отделение гуманитарных и общественных наук. Грант «Микро-практики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» № 15-03-00378.

Основные тенденции развития России в последние десятилетия все в большей степени свидетельствуют о нарастании системных противоречий во взаимодействии государства и общества или, точнее, той его части, которая стремится к автономии от государства в ценностях, целях, институциональных формах и модусах существования. В гражданском обществе формируются группы и ассоциации, обладающие ситуативной или устойчивой идентичностью, набором интересов, и стремящиеся к их реализации либо в сотрудничестве с властью, либо минуя ее. Это могут быть как институциональные субъекты - политические партии и НКО, так и слабоинституционализированные социальные движения разного масштаба - от локальных до общенациональных. Большинство такого рода групп интересов немногочисленно и, как правило, достаточно слабо, чтобы реализовать свои цели без поддержки власти - хотя бы в силу того, что сама сфера общественных инициатив и гражданского участия в последние годы оказалась "под колпаком" нормативно-правового регулирования и усиления регламентации.

Государственные акторы, в свою очередь, стремятся к сохранению и даже усилению контроля за автономной от них инициативой гражданского общества, поскольку в российской политической традиции и практике контроль и властные полномочия рассматриваются, как правило, в категориях "игры с нулевой суммой" - ослабление контроля по этой логике приводит к утрате ресурсов (от финансовых до символических) и подрывает тем самым основания власти должностных лиц и институтов.

Было бы крайне наивным рассматривать противостояние государства и "третьего сектора" в категориях добра и зла и утверждать, что все, что исходит от гражданского общества, способствует сбалансированному социальному развитию, общественной консолидации, представительству интересов и пр., а государство ориентировано исключительно на подавление, монополизацию и контроль. Так, интересы тех или иных гражданских ассоциаций достаточно часто вступают в противоречие с критериями общественного блага, поскольку их носители ориентированы не на баланс в системе представительства, а на доминирование. Естественно, в жесткое противоречие могут вступать интересы и различных

общественных ассоциаций и движений, конкурирующих друг с другом за финансовые, административные и символические ресурсы.

Тем не менее, общественное участие, во-первых, является базовым механизмом представительства социальных интересов; во-вторых, представляет собой легальный и социально значимый способ проявления частной инициативы и творчества; в-третьих, позволяет существенно расширить ресурсную (человеческую, интеллектуальную, материальную и пр.) базу государственного и муниципального управления; в-четвертых, способствует формированию у населения набора организационных, коммуникативных и др. компетенций, необходимых для образования и упрочения социальных связей.

При этом широта и равномерная интенсивность гражданских практик рассматриваются, как параметры зрелого состояния участия, его прогнозируемого характера, формирования устойчивых групп участников, определенной их "профессионализации". Локализация же активистских практик на отдельных актуальных направлениях и в отдельных социальных группах говорит скорее о несистемном, случайном характере активизма, его непрогнозируемости [4, с. 49].

Таким образом, применительно к современной ситуации, следует отметить противоречие между объективной необходимостью в различных формах частной и общественной инициативы и низким потенциалом общественного участия, связанным как с пассивностью и некомпетентностью большинства, так и со стремлением органов власти к монополизации прерогативы социальной активности и жесткому лимитированию ее форм и направлений.

Гражданское участие в настоящее время не представляет собой массовый тренд социального поведения, что вполне объяснимо исходя из нескольких факторов. Во-первых, это ограниченность и даже замкнутость индивидуального социального пространства большинства россиян. В основном это оно ограничено семейными и дружескими связями. Повседневные заботы, связанные с выживанием, для большинства россиян доминируют в системе жизненных приоритетов. Подобная атомизация отражается не только на длине радиуса социальных связей и контактов, но отрицательно влияет на адаптационные практики, среди которых доминируют пассивные формы. Результаты мониторинга Левада-Центра (2016 г.) свидетельствуют, что установкой на преобразование окружающей действительности обладает меньшинство населения. Лишь 10% опрошенных считают необходимым «пытаться изменить окружающую действительность, не мириться с ее несовершенством». В полной или значительной мере чувствуют ответственность за то, что происходит в их доме и дворе не так уж много людей – 47%. Еще меньше – 41% – думают, что могут повлиять на ситуацию в доме или дворе. Ответственность за происходящее в городе / районе испытывают значительно меньшая доля респондентов – 18%, а о возможном влиянии на него утверждают 12% [2, с. 41-42].

Во-вторых, установлению горизонтальных и вертикальных связей в местных и региональных сообществах, образованию устойчивых ассоциаций препятствует низкий уровень институционального и межличностного доверия. По данным Левада-Центра (сентябрь 2017 г.), российские благотворительные организации "вполне заслуживают доверия" с точки зрения 34% респондентов (не вполне или совсем не заслуживают - 46%); профсоюзы "вполне заслуживают доверия" с точки зрения 22% респондентов (не вполне или совсем не заслуживают - 55%); региональные органы власти "вполне заслуживают доверия" с точки зрения 31% респондентов (не вполне или совсем не заслуживают - 62%); муниципальные органы власти "вполне заслуживают доверия" с точки зрения 27% респондентов (не вполне или совсем не заслуживают - 67%) [1].

Межличностное доверие находится приблизительно на таком же уровне. Так, по данным исследования "Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества", проведенного в Белгородской области (2015 г., N=1002 респондента), лишь треть (35,3%) респондентов, считают, что большинству людей можно доверять; 48,3% придерживаются противоположного мнения.

В-третьих, как уже отмечалось, далеко не все формы гражданского участия приветствуются властью. Так, любые формы самоорганизации, связанные с политическим протестом или с противодействием принятым органами власти решениям, вызывают, как правило негативную реакцию - от замалчивания и дискредитации до прямых репрессий.

В результате российское общество - как на локальном (за исключением ряда этнокультурных образований), так и на макросоциальном уровнях, остается фрагментированным и неготовым к консолидированным действиям за пределами государственной мобилизации.

В ходе исследования Института социологии РАН, организованного при поддержке Некоммерческого Фонда ИСЭПИ в марте 2014 г., были сделаны выводы о том, что социальная база неполитического гражданского активизма составляет 34% населения (участвующие в деятельности хотя бы одной общественной организации) [4, с. 54]. Однако к этому заключению следует относиться с некоторой осторожностью, поскольку формальное участие далеко не всегда коррелирует с реальными практиками гражданского активизма. Может иметь место также и отрицательная взаимосвязь обратного характера.

По данным нашего исследования, проведенного в Белгородской области (2015 г., N=1002 респондента), в тех или иных формах коллективной деятельности на уровне соседского сообщества хотя бы эпизодически приходилось принимать участие в течение года половине респондентов, на уровне поселения - почти 40% [3, с. 151-153].

По результатам мониторинга социального самочувствия населения Белгородской области, проведенного ОАУ «Институт региональной кадровой политики» в июле 2017 г. (N=1272 респондента), показало, что разными формами участия в местном самоуправлении (ТОС, сходы и собрания граждан, публичные слушания и др.) охвачено около четверти респондентов (26,2%). Лишь 12,1% опрошенных признали себя участниками общественных организаций, хотя в предыдущие годы эта доля составляла 20-27%.

Формирование социальной базы гражданского активизма, развитие его конструктивных практик (к которым следует отнести любые формы самоорганизации граждан, не создающие риски насилия по отношению к индивидам и группам) требует комплекса мер, находящихся в широком диапазоне институционального и социокультурного регулирования. При этом в качестве субъектов регулирования следует рассматривать не только органы государственной и муниципальной власти, но любых носителей публичной субъектности - в том числе, общественные объединения и неформальные гражданские ассоциации.

Данные меры можно сгруппировать в несколько категорий:

1) информационная поддержка различного характера и иные меры информационной политики, осуществляемые как самими субъектами гражданского участия, так и институтами публичного управления;

2) институциональное (политико-правовое) регулирование;

3) воздействие на социокультурную среду.

Развитие современных информационно-коммуникационных технологий позволяет как актуализировать потенциал гражданского участия, так и существенно увеличить его объем. Актуализация потенциала гражданского участия посредством таких технологий возможна в силу выполнения ими мобилизационной функции, опирающейся на уже сформированную установку на коллективные действия; увеличение же объема данного потенциала является более сложной задачей, поскольку предполагает распространение соответствующих ценностей - фактически - воспитание гражданской позиции.

Ряд информационно-коммуникационных технологий, способствующих развитию потенциала гражданского участия, был предложен экспертам для оценки их эффективности по 5-балльной систем. Экспертный опрос был проведен в мае 2017 г. в Белгородской и Воронежской областях. Основным критерием при отборе экспертов выступала их вовлеченность в проблематику гражданского активизма в силу профессионального, ценностного либо научного интереса. В число экспертов вошли: государственные (муниципальные)

служащие, сотрудники государственных (муниципальных) учреждений, общественные активисты, ученые, сотрудники НКО, работники СМИ.

В результате был составлен ранжированный перечень соответствующих технологий:

- тематические форумы и группы в социальных сетях ("ВКонтакте", "Одноклассники", "Фейсбук" и пр.) - 4 балла;
- специализированные платформы, направленные на выявление социальных проблем и сбор предложений граждан ("Народная экспертиза" и пр.) - 3,07 балла;
- электронные платформы для подачи петиций ("Российская общественная инициатива", Change.org и др.) - 2,83 балла;
- создание НКО, государственными и муниципальными учреждениями баз данных волонтеров и рассылка адресных приглашений на мероприятия - 2,71 балла;
- блог-платформы (LiveJournal, LiveInternet и др.) - 2,68 балла;
- интернет-приемные органов власти - 2,59 балла;
- онлайн-опросы по актуальным проблемам местных сообществ на официальных ресурсах - 2,59 балла;
- объявления на сайтах НКО, государственных и муниципальных учреждений о проводимых мероприятиях - 2,34 балла;
- тематические форумы на муниципальных интернет-порталах - 2,32 балла.

Иерархия представленных технологий свидетельствует о заметно низкой роли государства и иных институтов публичной власти по сравнению с "горизонтальными" формами коммуникации граждан. Так, социальные сети в настоящее время представляют собой реальный механизм агрегации общественного мнения по актуальным вопросам социального развития и, в меньшей мере, его трансляции в систему публичного управления и мобилизации на коллективные действия. В то же время объявления на сайтах НКО, государственных и муниципальных учреждений о проводимых ими мероприятиях оказались малоэффективными. Соответственно, и гражданским ассоциациям, и органам власти необходимо исходить из того, что для реального влияния на процессы гражданского участия виртуальная коммуникация а) должна использовать не наиболее очевидные для ее организаторов ресурсы (официальные сайты или официальные страницы в соцсетях), а коммуникационные платформы с высокой посещаемостью (популярные сообщества и блог-платформы, рейтинговые интернет-издания), б) в создании контента ориентироваться не на собственные цели и видение ситуации, а использовать ценностный ряд и язык соответствующей аудитории.

Развитие гражданского участия через институциональное (политико-правовое) регулирование предполагает использование инкорпорированного в систему управления комплекса стимулов, формирующих у граждан мотивацию к образованию ассоциаций, коллективной деятельности, принятию на себя ответственности за окружающую ситуацию.

По данным нашего экспертного опроса, в комплексе мотивации общественного участия тесно переплетены мотивы альтруистического и утилитарного характера. Причем, в числе последней группы мотивов отчетливо просматривается не только стремление к непосредственным материальным и статусным приобретениям, но и ориентация на социальный капитал, выраженная как утилитарно - в приобретении новых связей, так и ценностно - в поиске популярности. Так, эксперты утверждают, что в качестве ведущих мотивов включения людей в те или иные формы общественной активности выступают: желание сделать лучше социальную и духовную среду своего обитания (на это указали 58,54% опрошенных), стремление к расширению круга общения, приобретению новых знакомств и связей (43,90%), желание сделать последующую карьеру в органах власти, государственных учреждениях (39,02%). Относительно высокой значимостью обладают такие мотивы, как: желание решить проблемы людей из близкого и дальнего кругов общения (31,71%), стремление к известности, популярности (29,27%), решение своих частных проблем, используя ресурсы других людей (24,39%), желание заработать, используя механизмы общественной деятельности (21,95%), чистый альтруизм, стремление помочь

даже незнакомым людям (21,95%). Стремление преодолеть свои психологические комплексы в качестве мотивации общественной активности оказалось малозначимым (4,88%)

Однако процессам самоорганизации в настоящее время препятствуют не столько институциональные ограничения, сколько факторы ментального порядка, связанные с неразвитостью ценностей и установок на общественное участие, социальный эгоизм. Среди ведущих факторов, препятствующих самоорганизации на местном и локальном уровнях, эксперты отметили: отсутствие времени, загруженность работой большинства граждан (70,73% экспертов), патернализм, привычка граждан к перекладыванию ответственности на власть (68,29%), социальный эгоизм большинства людей, нежелание их выходить за пределы привычного круга общения (58,54%), низкий уровень межличностного доверия (51,22%). Ко второй по значимости группе факторов относятся: низкий уровень информированности граждан о возможностях общественного участия (41,46%), отсутствие стимулов, информационной, материальной и финансовой поддержки со стороны власти (31,71%). Явно выраженные факторы внешнего характера оказались малозначимыми. Так, противодействие со стороны местной власти в числе препятствующих факторов отметили 7,32% экспертов, а противодействие со стороны руководства коммерческих организаций - всего лишь 2,44%.

Изменение ситуации гражданской пассивности, таким образом, возможно путем применения комплекса мер, воздействующих не столько на институциональные, сколько на ментальные и средовые характеристики местных сообществ. Ранжированный (по 5-балльной шкале) перечень стимулов сотрудничества и самоорганизации граждан на местном уровне, с точки зрения экспертной оценки, выглядит так:

- введение дополнительных мер морального и материального поощрения волонтерской деятельности - 3,76 балла;
- расширение практики проведения конкурсов общественных проектов - 3,46 балла;
- трансляция через СМИ удачного опыта взаимодействия граждан - 3,29 балла;
- увеличение финансовой поддержки НКО со стороны государства и муниципалитетов, предоставление грантов - 3,29 балла;
- привлечение общественных активистов к работе органов власти в составе комиссий, советов - 3,05 балла;
- повсеместное создание при участии власти структур территориального общественного самоуправления - 2,85 балла;
- законодательное ограничение ответственности управляющих компаний за содержание помещений общего пользования - 1,59 балла.

Таким образом, наиболее значимыми стимулами гражданского участия является, прежде всего, набор мер материального и морального поощрения субъектов добровольческой деятельности и НКО (в том числе, на конкурсной основе), а также усиление информационного сопровождения успешных практик самоорганизации граждан. Однако эффективное информационное и институциональное стимулирование гражданского участия невозможно без изменения ценностей и поведенческих фреймов большинства граждан, связанного с расширением локуса ответственности, с одной стороны, и уходом власти от идеи жесткого контроля всех проявлений несанкционированной сверху активности граждан, с другой.

Литература

1. Институциональное доверие [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/> (дата обращения: 12.10.2017).
2. Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017. - 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2017/02/OM-2016.pdf> (дата обращения: 18.10.2017).

3. Реутов, Е.В. Самоорганизация в локальных сообществах: практики и механизмы / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина, А.А. Турьянский // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2017. - № 4. - С. 145-164.

4. Седова, Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база / Н.Н. Седова // Социологический журнал. - 2014. - №2. - С. 48-71.

ГОТОВНОСТЬ ГРАЖДАН К САМООРГАНИЗАЦИИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

М.Н. Реутова,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» № 15-03-00378.

В последние годы исследование теоретических и прикладных аспектов общественного участия и самоорганизации граждан на микро- и мезоуровне приобретает все большую актуальность. В рамках данной работы самоорганизация рассматривается как процесс установления непосредственных связей и контактов между гражданами для решения локальных проблем и функциональных задач с перспективой их актуализации после достижения первичных целей. К основным формам локальной самоорганизации граждан относится сбор подписей под обращениями в органы власти; проведение собраний и дискуссий для обсуждения способов решения имеющихся проблем; сбор денег и вещей для нуждающихся и другие формы взаимопомощи, митинги и демонстрации с выдвижением требований к органам власти, работодателям; организация досуговых мероприятий; совместное благоустройство территории; создание и реальное участие в деятельности институтов самоорганизации – ТОС, НКО и др.

Движущей силой объединения мало- или вообще незнакомых прежде друг с другом людей выступают проблемы различного характера – от необходимости защиты своих прав до проведения досуга. При этом происходит актуализация «слабых» связей, их трансформация в «сильные» или же формируются новые связи различного характера. Как отмечает ряд зарубежных исследователей процессов социальной самоорганизации, «традиционные социальные сети – семейно-родственные, соседские – могут и должны быть дополнены и замещены конструируемыми самими людьми посредством личного выбора сетевыми отношениями. Таким образом, возникает потребность в новых основаниях для отношений, которые выходят за рамки традиционных, обусловленных пространственной близостью и общим происхождением» [1]; «система публичного управления должна следовать логике социальных связей местного сообщества с расширением их возможностей. Именно они выступают в качестве движущей силы экономического развития и демократизации» [2].

Отечественные исследователи рассматривают практики самоорганизации граждан «как весомый элемент российского варианта гражданского общества. Само гражданское общество при этом интерпретируется прежде всего как способность людей к самоорганизации в соответствии с разнообразными осознанными общественными интересами ради консолидированного выражения и защиты этих интересов» (3, с. 199).

Развитие социальной интеграции и формирование локальной идентичности, основанной не на внешних (административно-политических), а на внутренних (ценностно-мотивационных) факторах, возможно посредством непосредственных контактов, связанных с разрешением частных и коллективных проблем и формирующих эмоциональную близость между их участниками. Совокупность данных контактов представляет собой микропрактики солидарности. Безусловно, трансформация микропрактик солидарности в